

Лопачева Мария Каиржановна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2
loracheva03@mail.ru

Топос порога в лирике Георгия Иванова

Для цитирования: Лопачева М. К. Топос порога в лирике Георгия Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 60–71. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.105>

Для поздней лирики Георгия Иванова органичным становится обращение к эсхатологической проблематике. Художественную реализацию она получает как в особенной стилистике, так и в своеобразной разработке архетипического мотива «жизнь / смерть», раскрываемого через метафорические образы порога, границы, двери, окна. Статья посвящена лирико-философскому наполнению этого топоса в лирике Иванова эмигрантского периода, начиная со сборника «Розы» (1931), обозначившего начало этапа подлинной поэтической зрелости художника. Исследуются также тексты из циклов «Отплытие на остров Цитеру», «Портрет без сходства», «Дневник» и «Посмертный дневник», фрагменты из поэмы «Распад атома». Актуальность статьи определяется тем, что обращение к такому аспекту характеристики произведения, как интерпретация топоса — устойчивой формулы, лежащей во вневличностных глубинах литературного процесса, — дает возможность прочтения художественных открытий автора в широком национально-культурном контексте, в чем, безусловно, нуждаются и поэзия Г.Иванова, и эмигрантский литературный дискурс в целом. Автор статьи приходит к выводу о том, что топос порога, представленный в основном имплицитно и реализуемый инвариантными мотивами двери, окна, границы, маркирует в поздней лирике поэта экзистенциальную рефлексию в ситуации пограничья, а постоянство, с которым возвращается художник к данному сюжету, указывает на его склонность к трансгрессии. Исследование оригинальной интерпретации в лирике Г.Иванова топоса порога и ряда коррелирующих с ним мотивов позволяет отчетливее представить динамику форм выражения художественно-мировоззренческой позиции автора. А соотнесение с классическим литературным контекстом убеждает в том, что крайняя сосредоточенность поэта на ситуации пограничья, наряду с личными жизненными обстоятельствами (тяжелой болезнью), имела причины и иного порядка: еще с 1930-х годов обозначила в нем художника, продолжившего, вслед за Достоевским, Тютчевым, Толстым, русскую экзистенциальную традицию. Отразившиеся в творчестве Г.Иванова «опыт предела», полученный в наследство от сформировавшей его эпохи Серебряного века, и навыки выживания в «торричеллиевой пустоте» эмиграции (Ф. Степун) придали этой традиции новые звучания.

Ключевые слова: топос, Георгий Иванов, эмиграция, *Дневник*, трансгрессия, оксюморон, символизм, дихотомичность, пограничье.

Введение

Для поздней лирики Г.Иванова органичным становится обращение к эсхатологической проблематике. Художественное воплощение она получает в своеобразной «кошунственной» эстетике, «юморе висельника» (Г. Струве), эксплицирован-

ном гротескной стилистикой (см., например, «отвратительный вечный покой»), в ключевых для поэта образах «сияния», «синева», «торжества», «бездны», «эфира» и др.¹, а также в оригинальном лирико-философском наполнении топоса порога, представленного в основном имплицитно и реализуемого инвариантными мотивами «двери», «окна», «границы» / «грани».

Как известно, порог — одна из классических характеристик пространства, обозначающая границу между «домом» (замкнутым пространством) и «простором» (разомкнутым пространством). М. М. Бахтин определяет порог как один из важнейших хронотопов, «проникнутый высокой эмоциональной интенсивностью», который «может сочетаться с мотивом встречи, но наиболее существенное его восполнение — это хронотоп кризиса и жизненного перелома. Самое слово „порог“ уже в речевой жизни (наряду с реальным значением) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог). В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме» [Бахтин 1975, с. 397].

Такое восприятие порога и открытой / закрытой двери во многих культурах восходит к древности. По словам фольклориста Н. А. Криничной, в славянской традиции «порог, как река, символизирует границу между бытием и инобытием. И потому приглашение „Шагай через порог“ равносильно побуждению преодолеть незримую границу <...>. И вообще порог, который, казалось бы, связан исключительно с жилищем, имеет тем не менее некие экзистенциально-природные соответствия» [Криничная 2012, с. 116].

Целью данной работы стало выявление на материале поздней лирики Г. Иванова особенностей его оригинальной интерпретации топоса порога, во многом восходящей к подобной архетипической символической, а также рассмотрение лирико-философского наполнения данной топосики в соотношении с классической литературной традицией, что, возможно, позволит отчетливее представить динамику форм выражения мировоззренческой позиции автора, эволюцию его художественного сознания.

Основная часть

В архетипическом ключе эсхатологическая рефлексия представлена в одном из стихотворений предпоследнего цикла Георгия Иванова «Дневник». Своим содержанием и структурой текст восходит к популярной в средневековой европейской литературе форме «диалога на пороге», трактуемой М. М. Бахтиным как одна из разновидностей мениппеи [Бахтин 1979, с. 133]. Эквивалентом «небесных врат» в стихотворении, написанном с использованием амебейной композиции — параллелизма, усиленного расширенной анафорой, — у Иванова становится метафизическая «дверь», распаханная в «великолепное ничто»:

— Когда-нибудь, когда устанешь ты,
Устанешь до последнего предела...

¹ Концептосфера лирики Г. Иванова, основательно исследованная И. А. Тарасовой, представлена в ряде ее работ и, в частности, в «Словаре ключевых слов поэзии Георгия Иванова» [Словарь ключевых слов... 2008, с. 5–198].

— Но я и так устал до тошноты,
До отвращения...
— Тогда другое дело.
Тогда — спокойно, не спеша проверь
Все мысли, все дела, все ощущения,
И, если перевесит отвращенье —
Завидую тебе: перед тобою дверь
Распахнута в восторг развоплощенья
(«— Когда-нибудь, когда устанешь ты...»)² .

Венчающий стихотворение зловещий оксюморон интертекстуально поливалентен: в его подтексте прочитываются и бодлеровский «Веселый мертвец», и тютчевское «Дай вкусить уничтоженья» («Тени сизые смешались...»), и — вкупе со всем бурлескно-трагическим тоном беседы у «врат» — «Бобок» Достоевского, кодирующий окончательное разложение как атомов, так и смыслов.

Вербально не обозначенная, ситуация близости порога имплицитно представлена во многих текстах Иванова, начиная со сборника «Розы» (1931). В отличие от близких по духу Блока и Мандельштама, у которых метафора «порога» маркировала эмоциональную приподнятость, волнение перед встречей с будущим (Блок: «И встречаю тебя у порога / С буйным ветром в змеиных кудрях...» («О, весна без конца и без краю...») [Блок 1960, с. 272]; Мандельштам: «Захребетник лишь трепещет / На пороге новых дней...» («Век») [Мандельштам 1990, с. 145]), Иванов означенную ситуацию экспонирует в минорных тонах. Близость порога / двери / границы обретает у него не столько темпоральную, сколько абстрактно-экзистенциальную семантику, звучит открытым трагизмом ввиду созерцания границы между «здесь» и «там». Для поэта это прежде всего осознание границы между бытием и инобытием, сопровождаемое волнением перед лицом приблизившегося фатально-неизбежного «ничто» («Надвигается синяя вечность...»). Пространство за порогом зачастую характеризуется у Иванова весьма амбивалентно. Порой одни и те же образы, ключевые слова, которые репрезентируют «там», — такие как «синяя вечность», «торжество» и др., — становятся антиномиями, представляя то нечто враждебное, мертвящее:

И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего...
(«Перед тем, как умереть...»),

то знаки божественного присутствия:

И глядела душа, хорошея,
Как влюбленная женщина в зеркало,
В торжество, неизвестное мне
(«Звезды меркли в бледнеющем небе...»).

Столь же семантически неоднозначны и многофункциональны у Иванова маркирующие ситуацию «у порога» архетипические мотивы «двери» и «окна». Распахнутая дверь, из которой «веет вечностью с планет», опасно влечет к порогу,

² Здесь и далее лирика Г. Иванова цит. по изд.: [Иванов 1994а].

а за ним — «восторг развоплощения» и свобода. Закрывающаяся (захлопывающаяся) дверь / калитка — не раз повторяющаяся у Иванова визуализация момента окончания «земного хождения по мукам». И вновь дает себя знать дихотомичность ивановского восприятия мира. Мотив финала жизни звучит вполне амбивалентно — не то освобождение, не то мучительное расставание, а еще точнее — и то и другое:

Калитка закрылась со скрипом,
Осталась в пространстве заря,
И к благоухающим липам
Приблизился свет фонаря.
И влажно они просияли
Курчавую тенью сквозной,
Как отблеск на одеяле
Свечей сквозь дымок отходной.
И важно они прошумели,
Как будто посмели теперь
Сказать то, чего не умели,
Пока не захлопнулась дверь
(«Калитка закрылась со скрипом...»).

Можно принять здесь калитку / дверь за обычную детализацию при описании вечернего сада, если бы не двойное указание на закрывание (захлопывание), не эпитет «отходной» в сочетании с «дымком» — аллюзия к молитвенному канону, который читают у одра умирающего.

Многозначен у Иванова и символ окна — еще один коррелят «порога» как границы между «здесь» и «там», «домом» и открытым пространством. Безусловно, преобладает естественное значение образа — созерцание через окно живой, внешней по отношению к лирическому субъекту реальности. Но уже в ранних стихах Иванова сюжет наблюдения нередко трансформировался в самосозерцание:

...Стою, дышу перед раскрытым
В туман светлеющим окном
И вижу очертанья веток
В лилово-розовом дыму.
И нет вопроса, нет ответа,
Которого я не прийму...
(«Измучен ночью ядовитой...»).

Т. С. Соколова, анализируя семантику оппозиции замкнутого / разомкнутого пространств в ранней лирике Иванова, отмечает, что закрытое пространство комнаты «выступает знаком действительности, в то время как открытое пространство за его пределами — знаком мечты. Окно, разделяющее замкнутое пространство комнаты и разомкнутое внешнее пространство, предстает устойчивым знаком переходного состояния лирического субъекта между явью и сном, действительностью и мечтой» [Соколова 2009, с. 8]. При этом оптимистический строй души лирического героя, «широко» распахивающего окно «в сиянье завтрашнего дня», ментально может смениться в другом тексте меланхолической рефлексией в духе Анненского:

...«Те» иль «эти»? «Те» иль «эти»?
Ах, не все ль равно
(Перед тем, как в лунном свете
Улететь в окно)
(«Смиловилась погода...»).

Постоянство, с коим Иванов использует в эмигрантских лирических циклах данную символику, выдает в нем подлинную поэтическую родословную — не акмеизм (несмотря на «Цех поэтов» и дружбу с Гумилевым), а линия Анненского и Блока. Именно в символистском дискурсе такие ограничители пространства дома, как «окно» и «дверь», — «это топосы, — пишет А. Ханзен-Лёве, — и в двойном смысле слова „тропы“: ожидания и визионерского „резкого перехода“ от „здесь“ к „там“» [Ханзен-Лёве 2003, с. 234]. Как Анненский и Блок, Иванов носил в себе романтическую тоску, «муку идеала». Стремление к идеалу приводило поэтов к порогу — границе мира, за которой только и возможно торжество высшей гармонии. Оттого беспрестанно смотрит с этой границы на звезды лирический герой Блока: «И звезды рассказывают. / Все рассказывают звезды...» («Ночь. Город утомился...») [Блок 1960, с. 196]. Эта тревога и надежда на «ответ» холодной и молчаливой синевы, тоска от сознания несоединимости миров отзываются в ивановских строках:

От синих звезд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованием,
От вечных звезд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.

И сердце беспокоится. И в нем —
О, никому на свете незаметный —
Вдруг чудным загорается огнем
Навстречу звездному лучу — ответный.

И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира
(«От синих звезд, которым дела нет...»).

Судя по циклам 1930–1950-х, Иванов постоянно ощущал себя человеком порога, созерцающим, по слову Достоевского, две бездны сразу «в один и тот же момент», что находило выражение в таких качествах лирического «я» поэта, как стремление к предельности, ярко выраженная дихотомичность суждений, двойственность ощущений. Объяснить эти черты можно не только упомянутым выше мучительным «талантом двойного зренья», на который сетовал поэт, но и вынесенным из России мировоззренчески-психологическим комплексом «петербургского поэта» эпохи модерна. Важная составляющая комплекса — творческая интенция к трансгрессивности. Это укоренилось в самой природе «человека модерна», вне зависимости от принадлежности к каким-либо течениям и школам. «Искусство аффекта, — пишет Н. Ю. Грякалова, — должно было стать искусством эффекта, в предельной своей стадии достигая эстетического шока. Так рождается опыт трансгрессии — *переступания границ*, который будет индуцировать весь последующий

модернистский „опыт предела“» [Грякалова 2008, с. 20]. В случае Иванова это была трансгрессия «в квадрате».

Начиная с середины 1930-х годов «жест, который обращен на предел» (М. Фуко), — довольно постоянное явление в его стихах, а предшествовавший трагическому «Распаду атома» сборник «Отплытие на остров Цитеру» (1937) буквально пропитан настроением расставания, ощущением холода, веющего из запредельного пространства, гипнотической завороченностью «краем» жизни:

Край земли. За синим краем
Вечности пустая гладь.
То, чего мы не узнаем,
То, чего не надо знать
(«Я тебя не вспоминаю...»).

Трансгрессивные состояния у Иванова содержат сложный сплав ощущений. Подступающая вечность, кроме того, что несет желанную свободу от суетного и временного, еще и пугающе грозна, холодна, впрочем, как и оставляемый позади мир:

Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит,
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит...
(«Это месяц плывет по эфиру...»).

Постсимволистская рефлексия (упование на «звезды», на подлинную свободу «там») сплетается в стихах Иванова с экзистенциальным переживанием пограничья как возможности уединенного самосозерцания перед лицом пустоты, с мучительными раздумьями о судьбе и сущности искусства. С горечью убеждаясь в ненужности музыки «здесь», поэт сознавал, что «там», в «предвечной тьме», она совсем теряет смысл:

... Пусть себе, как черная стена,
К звездам подымается она.
Пусть себе, как черная волна,
Глухо рассыпается она...
(«Музыка мне больше не слышна...»).

Однако трагическое балансирование на «грани таянья и льда», на грани бытия и небытия, отчаяния и надежды, став обыденностью, порой получает у Иванова в соответствии с этим парадоксальное трагедийно-оксюморонное воплощение:

...Нельзя сказать, что я скучаю.
Нельзя сказать, что я живу.
Не обижаясь, не жалея,
Не вспоминая, не грустя...
Так труп в песке лежит, не тлея,
И так рожденья ждет дитя
(«По дому бродит полуночник...»).

Условность границы между «здесь» и «там» в какой-то момент станет для поэта вполне очевидной. Столь же очевидной была для него и проницаемость этой границы между «безднами». К художественному сознанию Иванова рискнем при-

ложить рассуждение В. А. Подороги по поводу концепции времени и пространства у А. Белого. Размышляя о «пористом» характере «перегородки» (по Белому — времени), философ замечает: «Пористость есть временное равновесие между дырами и роями. Равновесие во времени, некая область „срединности“, где время схватывается, замедляется, „остывает“ и где, напротив, убыстряется, становится взрывным» [Подорога 2011, с. 185]. Сосредоточенность Иванова на границе как выражении этой «срединности», возможно, объяснима именно такими ее свойствами.

Это позиционирование себя «на грани», «опыт предела» с его особым — двойным — ракурсом созерцания награждают мучительным знанием. Вслед за Ф. Тютчевым, чье «сердце, полное тревоги», томилось «на пороге / Как бы двойного бытия» («О вещая душа моя!..») [Тютчев 2003, с. 75], на тяжкий опыт пограничья сетовал и Иванов: «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья...» («Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...»). Диалектика неразрывности, слияния противоположных начал и их взаимозаменяемости в ситуации «на пороге» ощущалась Ивановым очень остро. Перед лицом «пустоты» («тьмы», «мглы», «ледяного эфира») эта неразделимость особенно очевидна:

Она прекрасна, эта мгла.
Она похожа на сиянье.
Добра и зла, добра и зла
В ней неразрывное слиянье...
(«Ни светлым именем богов...»).

Но это представление о неразрывности противоположных начал в случае Иванова не несло гармонизации сознания. Напротив, этот «талант двойного зренья», это «сверхзрение», как отмечает Н. Ю. Грякалова, «для поэта-экзистенциалиста — бремя дисгармонии, взгляд на жизнь под знаком смерти, фиксация распадающейся на фрагменты истории» [Грякалова 2009, с. 47].

Загипнотизированность границей, стояние над двумя безднами — «звездной вечностью» и «скукой мирового безобразья» — выдает в Иванове по преимуществу «человека Достоевского»³. О мужественном приятии Достоевским двух бездн писал Д. С. Мережковский, противопоставляя его в этом Толстому: «Достоевский не старался, подобно Л. Толстому, смотреть в одну лишь верхнюю бездну, закрывая глаза на нижнюю; он испытывал бесстрашным взором обе бездны, и понимал, что они равны в своей противоположности...» [Мережковский 1995, с. 343]. Однако в маркирующем ивановское пограничье символе двери/порога можно увидеть и знак толстовского «присутствия». Как известно, классик широко использовал этот двойственный мотив: «и новозаветный евангельский образ „ворот рая“, „дверей жизни“, и античную трактовку символа открытых дверей как объявления и состояния войны» [Галаган 1981, с. 83]. По словам Г. Я. Галаган, трактовавшей этот мотив как один из четырех главных у писателя, Толстой активно эксплуатировал двойственную природу образа, двери у него «могут быть закрыты и открыты, в них можно выйти, через них — войти» [Галаган 1981, с. 84].

³ Тот факт, что тяжкий опыт маргинального существования воспринимался писателями-эмигрантами через «призму» Достоевского, подтверждает, к примеру, признание мировоззренчески близкого Иванову Г. Адамовича: «В глубине души, по складу своему <...> мы были людьми толка скорей „достоевского“, чем толстовского, воспринимая Толстого преимущественно как упрек» [Адамович 1996, с. 190]. См. об этом подробнее: [Лопачева 2012].

Толстовская сосредоточенность на пограничье близка Иванову. В «Распаде атома» воспаленное воображение героя поэмы визуализирует (в собственной «редакции») знаменитую сцену в театре, где «Анна, облокотясь на бархат ложи, сияя мучкой и красотой, переживала свой позор» [Иванов 1994b, с. 14]. В этом сиянье, по Иванову, «не то последний отблеск утраченного, не то подтверждение, что утрата непоправима. Скоро все навсегда поблекнет» [Иванов 1994b, с. 14]. Для поэта актуальнее оказался не тот Толстой, что в «Исповеди» с надеждой смотрит в верхнюю бездну, а тот, который вместе с князем Андреем понимает, что от того, успеет или не успеет герой запереть увиденную во сне дверь, «зависит всё», тот Толстой, который, как и князь, испытывает мучительный «страх смерти: за дверью стоит оно. <...> Что-то нечеловеческое — смерть — ломится в дверь, и надо удержать ее» [Толстой 1987, с. 69]. В финале этюда о Карениной Иванов на свой лад трактует услышанную в Толстом столь близкую ему ноту экзистенциального отчаяния, того, «что сам Толстой почувствовал раньше всех, неизбежная черта, граница, за которой — никакого утешения вымышленной красотой, ни одной слезы над вымышленной судьбой» [Иванов 1994b, с. 14].

Вместе с тем в силу вечно реверсирующего художественного сознания Иванова ситуация пребывания у порога в конце его жизни предстает в ином ракурсе. Тяжело больной поэт много думает о смерти, чувствует ее за «дверью». Не манящая, хотя и грозная «звездная вечность», «синева», а страшное толстовское «оно» подошло с «той» стороны к порогу двери, и близость его стала будничной реальностью. Зная о неизлечимости своего недуга, поэт то смиряется с «неизбежным», которое сейчас утратило влекущую тревожную красоту и травестируется в его стихах («Я давно топчусь в передней, — / Мне давно пора домой...») («Вечер. Может быть, последний...»), то находит в себе силы повернуться к «двери» спиной и охватить обнимающим прощальным взглядом мир, оставляемый «здесь». В такой оптике решены многие стихотворения «Дневника» и особенно — «Посмертного дневника». Визуально ситуация «у двери» дается в обратной перспективе, возникает ощущение взгляда «оттуда», с «той» стороны двери или окна, как в средневековой иконописи. Сейчас для поэта невероятно важны щемящие подробности «бессмысленной» мировой «чепухи», и это видно в последнем тексте «Дневника»:

Голубая яблоня над кружевом моста
 Под прозрачно призрачной верленовской луной —
 Миллионнолетняя земная красота,
 Вечная бессмыслица — она опять со мной...
 («Отвлеченный сложностью персидского ковра...»).

Есть в этом цикле текст, практически репрезентирующий не только экзистенциальную рефлексию поэта, но и своего рода его почти визионерский опыт, для передачи которого использована именно обратная перспектива, по сути — это взгляд «оттуда», из-за порога:

Распыленный миллионом мельчайших частиц
 В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
 Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
 Я вернусь — отраженьем — в потерянном мире.
 И опять, в романтическом Летнем Саду,

В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая
(«Распыленный миллионом мельчайших частиц...»).

По слову философа, жизнь, растекающаяся «во множестве следов и частиц, вибраций», жизнь, «преодолевающая границы смерти, и есть действительная жизнь» [Подорога 2011, с. 301]. Поздняя лирика Г. Иванова — отражение опыта подобного преодоления.

Выводы

Таким образом, рассмотрение интерпретации в поздней лирике Георгия Иванова топоса порога и ряда коррелирующих с ним мотивов убеждает в том, что крайняя сосредоточенность поэта на ситуации пограничья, наряду с личными жизненными обстоятельствами — ожиданием смерти, которым были окрашены его последние годы и месяцы, — имела причины и иного порядка: обозначила в нем художника, продолжившего, вслед за Достоевским, Тютчевым, Толстым, русскую экзистенциальную традицию. Отразившийся в творчестве Г. Иванова «опыт предела», полученный в наследство от символизма и от сформировавшей его эпохи Серебряного века в целом, а также навыки выживания в «торричеллиевой пустоте» эмиграции (Ф. Степун) придали этой традиции новые звучания. В ивановской трактовке топоса порога, маркирующего настроение экзистенциального отчаяния, трагического ощущения катастрофичности бытия, осознание глобального духовного кризиса, в который вступило человечество эпохи «распада атома», был эксплицирован и комплекс переживаний описанного Юрием Терапиано «человека 30-х годов» [Терапиано 1998, с. 285–287] — соотечественника-эмигранта, страдавшего от ощущения «заброшенности», зыбкости существования, от разочарования в идеалах, в преобразующих возможностях искусства. Все это обусловило приверженность Георгия Иванова к концепту порога с его явно амбивалентной природой, позволявшей поэту реализовать, в свою очередь, такие качества собственной художественной природы, как склонность к трансгрессивным порывам, ярко выраженная дихотомичность суждений, двойственность ощущений.

Источники

- Адамович 1996 — Адамович Г. В. *Одиночество и свобода*. М.: Республика, 1996. 447 с. (Прошлое и настоящее).
- Блок 1960 — Блок А. А. *Собрание сочинений*: В 8 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы (1904–1908). М.; Л.: ГИХЛ, 1960. 467 с. (In Russian)
- Иванов 1994а — Иванов Г. В. *Собрание сочинений*: В 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Согласие, 1994. 656 с.
- Иванов 1994б — Иванов Г. В. «Распад атома». Иванов Г. В. *Собрание сочинений*: В 3 т. Т. 2: Проза. М.: Согласие, 1994. С. 5–34.
- Мандельштам 1990 — Мандельштам О. Э. *Сочинения*: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы. М.: Художественная литература, 1990. 638 с.
- Толстой 1987 — Толстой Л. Н. *Собрание сочинений*: В 12 т. Т. 6: Война и мир: Т. 4. М.: Правда, 1987. 544 с. (In Russian)
- Тютчев 2003 — Тютчев Ф. И. *Полное собрание сочинений и писем*: В 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М.: Классика, 2003. 640 с.

Литература

- Бахтин 1975 — Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Бахтин 1979 — Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
- Галаган 1981 — Галаган Г. Я. *Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания*. Л.: Наука, 1981. 176 с.
- Грякалова 2008 — Грякалова Н. Ю. *Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 384 с.
- Грякалова 2009 — Грякалова Н. Ю. «Талант двойного зренья»: Об одной визуальной метафоре у Георгия Иванова. *Русская литература*. 4, 2009: 39–47.
- Криничная 2012 — Криничная Н. А. «Дерево, гора, пещера как пристанище, жилище в фольклорной традиции». *Русская речь*. 2, 2012: 112–119.
- Лопачева 2012 — Лопачева М. К. «Бобок будет серьезный...»: (Достоевский в художественном мире Георгия Иванова). *Русская литература*. 3, 2012: 191–204.
- Мережковский 1995 — Мережковский Д. С. *Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники*. М.: Республика, 1995. 624 с. (Прошлое и настоящее).
- Подорога 2011 — Подорога В. А. *Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы: В 2 т. Т. 2*. М.: Культурная революция, 2011. 608 с.
- Словарь ключевых слов... 2008 — *Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова*. Тарасова И. А. (сост.). Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. 208 с.
- Соколова 2009 — Соколова Т. С. *Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2009. 19 с.
- Терапиано 1998 — Терапиано Ю. К. «Человек 30-х годов». *Русский Париж*. Буслакова Т. П. (сост., предисл., коммент.). М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 285–287.
- Ханзен-Лёве 2003 — Ханзен-Лёве А. *Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика*. Некрасов М. Ю. (пер.). СПб.: Академический. проект, 2003. 816 с. (Современная западная русистика. Т. 48).

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2017 г.

Статья рекомендована в печать 7 июля 2017 г.

Lopacheva Mariia Kairzhanovna

St. Petersburg State University of Culture
2, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia
lopacheva03@mail.ru

Topos of a doorstep in the lyrics of Georgi Ivanov

For citation: Lopacheva M. K. Topos of a doorstep in the lyrics of Georgi Ivanov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 1, pp. 60–71. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.105>

The eschatological issues are integral part of late Georgi Ivanov's lyrics. They get their artistic realization in the original style poetry and in the development of the archetypal motif of life / death, revealed through metaphorical images of the boundaries, doors, and windows. The article is devoted to the lyrical and philosophical topos in the lyrics Ivanov in the period of the emigration. The texts of the cycles *Roses*, *Departure to the island Citer*, *Portrait No Similarity*, *Diary* and *Posthumous Diary*, fragments from the poem *The Decay of the Atom* are studied. The relevance of the article is determined by the fact that an interpretation of topos as a formula which lies in the impersonal depths of the literary process makes it possible to interpret the author in a broad national-cultural context. The article concludes that the topos of a doorstep presented in the poetry of Ivanov marks existential reflection of the situation in the borderland, and the constancy with which the poet returned to this subject. It indicates his tendency to transgression. A study of the original interpretation of G. Ivanov's lyrics of the

doorstep topos and of a number of correlating motives allows to visualize the dynamics of the artistic forms of expression and ideological position of the author. A correlation with the classical literary context convinces us that the extreme focus on the situation of the frontier designated it the artist who continued, after Dostoevsky, Tiutchev, Tolstoy, Russian traditions of existential consciousness. The “experience of the limit” which was reflected in the works of G. Ivanov and inherited from the Silver Age, and survival skills in emigration gave this tradition a new dimension.

Keywords: topos, Georgi Ivanov, emigration, *Diary*, transgression, oxymoron, symbolism, dichotomy, borderlands.

Text sources

- Адамович 1996 — Adamovich G. V. *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom]. Moscow: Respublika Publ., 1996. 447 p. (Proshloe i nastoiashchee [Past and Present]). (In Russian)
- Блок 1960 — Blok A. A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 8 vol. T. 2: Stikhotvoreniia i poemu (1904–1908) [Poetry and Poems (1904–1908)]. Moscow; Leningrad: GIKhL Publ., 1960. 467 p. (In Russian)
- Иванов 1994а — Ivanov G. V. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 3 vols. Vol. 1: Stikhotvoreniia [Poetry]. Moscow: Soglasie Publ., 1994. 656 p. (In Russian)
- Иванов 1994б — Ivanov G. V. “Raspad atoma” [The Decay of the Atom]. Ivanov G. V. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 3 vols. Vol. 2: Proza [Prose]. Moscow: Soglasie Publ., 1994. P. 5–34. (In Russian)
- Мандельштам 1990 — Mandelshcham O. E. *Sochineniia* [Compositions]: In 2 vols. Vol. 1: Stikhotvoreniia. Perevody [Poems. Translations]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 638 p. (In Russian)
- Толстой 1987 — Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 12 vols. Vol. 6: Voina i mir [War and Peace: Vol. 4]. Moscow: Pravda Publ., 1987. 544 c. (In Russian)
- Тютчев 2003 — Tiutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters]: In 6 vols. Vol. 2: Stikhotvoreniia, 1850–1873 [Poems, 1850–1873]. Moscow: Klassika Publ., 2003. 640 p. (In Russian)

References

- Бахтин 1975 — Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russian)
- Бахтин 1979 — Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p. (In Russian)
- Галаган 1981 — Galagan G. Ia. *L. N. Tolstoy: Khudozhestvenno-eticheskie iskaniiia* [L. N. Tolstoy: Artistic and Ethical Quest]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 176 p. (In Russian)
- Грякалова 2008 — Griakalova N. Iu. *Chelovek moderna: Biografiia — refleksiiia — pis'mo* [Nouveau Man: A Biography — Reflection — A Letter]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2008. 384 p. (In Russian)
- Грякалова 2009 — Griakalova N. Iu. “«Talent dvojnogo zren'ia»: Ob odnoi vizual'noi metafore u Georgiia Ivanova” [“Talent of Double Vision”: On One Visual Metaphor for Georgy Ivanov]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 4, 2009: 39–47. (In Russian)
- Криничная 2012 — Krinichnaia N. A. “Derevo, gora, peshchera kak pristanishche, zhilishche v fol'klornoi traditsii” [Tree, Mountain, Cave as a Refuge, Home to the Folk Traditio]. *Russkaia rech* [Russian Speech]. 2, 2012: 112–119. (In Russian)
- Лопачева 2012 — Lopacheva M. K. “«Bobok budet seriozni...»: (Dostoevskii v khudozhestvennom mire Georgiia Ivanova)” [“Bobok Will Be a Serious...”: (Dostoevsky in the Art World of Georgy Ivanov)]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 3, 2012: 191–204. (In Russian)
- Мережковский 1995 — Merezhkovskiy D. S. *L. Tolstoy i Dostoevskii: Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky: Eternal Companions]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 624 p. (Proshloe i nastoiashchee [Past and Present]). (In Russian)
- Подорога 2011 — Podoroga V. A. *Mimesis: Materialy po analiticheskoi antropologii literatury* [Mimesis: Materials on Analytical Anthropology of Literature]: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Kulturnaia revoliutsiia Publ., 2011. 608 p. (In Russian)
- Словарь ключевых слов... 2008 — *Slovar' kliuchevykh slov poezii Georgiia Ivanova* [Dictionary of Key Words of Poetry by Georgy Ivanov]. Tarasova I. A. (comp.). Saratov: Publ. Center Nauka, 2008. 208 p. (In Russian)

- Соколова 2009 — Sokolova T. S. *Poetika prostranstva i vremeni v lirike Georgiia Ivanova* [Poetics of Space and Time in the Lyrics of Georgy Ivanov]. Extended abstract of PhD diss. (Philology). Herzen State Pedagogical Univ. of Russia. St. Petersburg, 2009. 19 p. (In Russian)
- Терапиано 1998 — Terapiano I. K. “Chelovek 30-kh godov” [Man of the 30s]. *Russkii Paris* [Russian Paris]. Buslakova T. P. (comp., introd., comment.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 1998. P. 285–287. (In Russian)
- Ханзен-Лёве 2003 — Hansen-Löve A. *Russkii simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaia simvolika* [Russian Symbolism: The System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism. Space Symbols]. Nekrasov M. Iu. (transl.). St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003. 816 p. (Sovremennaia zapadnaia rusistika [Modern Western Studies]. Vol. 48). (In Russian)